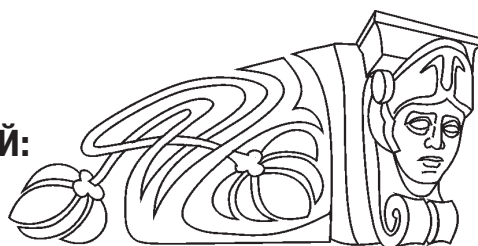

- ³ См., например: Толкалов А. С. Сравнительный анализ особенностей использования имиджевых технологий на начальном этапе демократического транзита в России и Чехословакии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 115–118.
- ⁴ См.: Václav Havel // Pražský hrad – Prague Castle. URL: <https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/prezidentiv-minulosti/vaclav-havel.shtml> (дата обращения: 25.08.2014).
- ⁵ См.: Václav Havel : Projev k občanům před volbou prezidenta republiky // Vaclav Havel : [offic. website]. URL: http://www.vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=projevy&val=923_projevy.html&typ=HTML (дата обращения: 25.08.2014).
- ⁶ Novoroční projev prezidenta ČSSR Václava Havla 1. ledna 1990 // Pražský hrad – Prague Castle. URL: <http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html> (дата обращения: 25.08.2014).
- ⁷ Novoroční projev prezidenta ČSSR Václava Havla 1. ledna 1991 // Pražský hrad – Prague Castle. URL: <http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html> (дата обращения: 25.08.2014).
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Suk Jiří. Labyrintem revoluce – Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (Od listopadu 1989 do června 1990). Český Těšín, 2003. S. 153.
- ¹⁰ См.: Heřman J., Košťálová M. Václav Havel. Vzpomínková kniha : prezident, disident, dramatik. Ostrava, 2012. S. 75.

УДК 328.36

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СТАРЫЕ СЮЖЕТЫ И НОВЕЙШИЕ ДИСКУССИИ

Г. А. Бударин, А. К. Магомедов

Ульяновский государственный университет
E-mail: filon@yandex.ru; armagomedov@gmail.com

В статье анализируются ключевые аспекты исследования региональной идентичности в современной России в зеркале новейших академических дискуссий. Рассматриваются три ракурса интерпретации избранной темы: концептуальные дебаты о характере региональных исследований; взлет российского регионализма в 1990-е гг., а также связанная с этим взлетом роль региональной идентичности как фактора развития территорий.

Ключевые слова: региональная идентичность, локальные исследования, децентрализация, факторы идентичности, характер и потенциал регионоведения.

The Problem of Local Identity in Post-soviet Russia in Context of Development of Regional Studies: Old Issues and New Debates

G. A. Budarin, A. K. Magomedov

The article analyze the key issues of regional identity in modern Russia in terms of new academic discussions. Scrutinize three aspects of this topic: the conceptual debates on nature of current regional studies; rise of Russian regionalism of 1990s and role of regional identity as a factor of local progress.

Key words: regional identity, local studies, de-centralization, factors of identity, nature and potential of identity.

Политика имеет не только глобальный и национальный формат, но и локальное измерение. Такая постановка проблемы дает возможность описывать ту или иную проблему через региональные призмы и локальные уровни. Эти уровни могут оказаться не менее важными, чем тра-

диционный уровень государственной политики в переходном обществе, каким является Россия. Локальные исследования помогают создать и пересоздать видение общенациональной политики, поскольку, как показали российские региональные практики 1990-х гг., взаимоотношения между центром и периферией являются симбиотическими и диалектическими. Задолго до этой дискуссии данную мысль весьма красноречиво изложил известный американский антрополог Клиффорд Гирц: «Величие мышления, без которого объективность превращается в самодовольство, проистекает из более трудного достижения, состоящего в умении видеть себя среди других – в качестве локального примера форм местной жизни»¹.

Однако одна из основных трудностей регионального прочтения данных процессов и явлений была связана с тем, что крайне проблематичной оказывалась ситуация с доказательством «типичности» или «репрезентативности» того или иного региона. В научных кругах развернулась дискуссия о концептуальных рамках, в пределах которых можно реализовать успешные региональные исследования. По сути, данная постановка проблемы есть вопрос о характере и потенциале регионоведения. Одни исследователи настаивают на том, что для того чтобы получить широкую картину явления, локальные исследования непременно должны носить сравнительный характер. Так, в своей работе о субнациональных территориях России американская исследовательница Сьюзан Смит-Питер определила региональные исследования как «изучение

регионов в пределах теоретических и сравнительных рамок». Такой подход, по ее мнению, «позволит избежать того вида близорукости, которая появляется тогда, когда ученый рассматривает только свой регион, игнорируя при этом такие факторы, как другие провинции»².

Однако академик О. С. Шмидт еще раньше раскритиковал подобную абсолютизацию сравнительного подхода, отметив, что упор на междисциплинарный подход, который нацелен на изучение источников и более углубленное изучение локальных «кейсов», куда более продуктивен, нежели сравнительная методика. Аналогичным образом известный американский историк Доналд Рейли подверг сомнению возможности сравнительного подхода, обозначив свою книгу «Революция на Волге: 1917-й год в Саратове» как локализованную версию национальной истории. Он продемонстрировал тот факт, что локальное исследование даже на примере одного региона способно ускорить пересмотр событий более широкого национального формата³.

Зафиксировав данный факт, перейдем к рассмотрению ключевых моментов российского регионализма в 1990-е гг., обусловивших значимость фактора региональной идентичности для развития территорий. Для начала отметим, что в советское время локальные исследования (носившие обобщенное название «краеведение») были наукой второго сорта. В 1990-е гг., с подъемом регионализма, эти исследования начали становиться жанром первого порядка, хотя некоторые столичные исследователи характеризуют политическое регионоведение как «политологию для бедных». Взлет российского регионоведения был частью более широкой проблемы постсоветской России – хаотической регионализации и неуправляемой децентрализации государства. Вкратце рассмотрим ключевые проявления общей атмосферы драматической фрагментации российского общества в 1990-е гг., в контексте которой получили свое развитие региональные исследования.

После коллапса СССР важнейшей особенностью российской постсоветской истории стало то, что традиционно сильная центральная власть все больше «перетекала» в нижние горизонты управления. Число участников политического процесса при этом возрастало. Указанные моменты объективно проявились на фоне упадка государственных ценностей и деградации созидательной политической воли федерального центра. События двух чеченских войн стали иллюстрацией того, какие экстремальные сценарии возможны в подобной ситуации. В результате того, что Россия в этот период переживала бурный процесс группообразования на региональном уровне, провинциальные лидеры не только приобрели значительную автономию по отношению к центру, но и усиливали опеку над обществом. Их идеологические позиции, полити-

ческие стимулы и эгоизм представляли собой решающий фактор поведенческих норм в политических системах регионального типа⁴. Усиливавшиеся местные правящие группы укрепляли региональное самосознание и создавали закрытые «губернаторские экономики» (выражение профессора МГУ Н. Зубаревич). Следовательно, региональные политические процессы в посткоммунистической России можно рассматривать как четко различающиеся единицы политического анализа.

Подобная атмосфера стала питательной средой для рефлексии региональных интересов и формирования локальных идентичностей. В условиях общероссийского идеологического коллапса 1990-х гг. многие региональные политики осуществили в своем мышлении качественный скачок, суть которого – переход к действиям в идеологических и геополитических категориях. Это означает, что локальные элиты и вырабатываемые ими идеологии выступали как силы развития, актуализировавшие разнонаправленность векторов российского политического устройства. Это помогало им консолидировать свою политическую базу, поскольку население обращало свои ожидания к региональным властям. Тесная корреляция понятий «субъект» – «идентичность» представлена в работах В. М. Суханова и А. А. Вилкова⁵. Принципиальным здесь оказывается то, что легитимность и организационная оформленность региональных администраций способствовали координации ожиданий и в конечном счете консолидации населения вокруг руководства регионов на основе локальных символов и смыслов.

Прежде чем говорить о роли региональной идентичности в развитии территорий, необходимо уточнить само понятие «региональная идентичность». Российский географ М. П. Крылов дал определение региональной идентичности как системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием «малая родина»⁶. Исследования региональной идентичности включают в себя аспекты самосознания и конструирования локальной самобытности. Региональная идентичность является специфическим видом и ключевой стадией самоорганизации, а также формой культурной, политической и экономической активности. Локальные идентичности могут служить в качестве форм культурного и политического капитала. Слабость региональной идентичности приводит к деградации локальных сообществ.

На сегодняшний день проблема региональной идентичности становится все более популярной и модной. Она рассматривается как нечто желательное и уместное при формировании региональной политики – как своего рода эквивалент «качества жизни» в том или ином локальном сообществе. Под региональной идентичностью понимается системная совокупность

культурных отношений, связанная с понятием «малая родина». В региональной идентичности сочетаются аспекты собственно географии (пространство и топонимика, например, ульяновская, самарская и т. д.) и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности (в качестве которой приводят термин «местный патриотизм»). М. П. Крылов предлагает считать равнозначными обе стороны региональной идентичности: «культуру укоренённости» и «культуру мобильности»⁷. Иными словами, он рассматривает региональную идентичность как «волю к жизни и развитию на данной территории». Культурные антропологи доказали, что конфигурации знания всегда являются локальными, они культурно закодированы и исторически конструированы в рамках территорий.

Таким образом, региональный фокус обладает значимым эвристическим потенциалом для понимания более масштабных явлений и процессов. Локальные проблемы помогают в определении более широкой политической повестки дня. Как образно описал Алан Уилдман, «региональный фокус применяется как элемент конкретики к важным взаимоотношениям, которые не могут быть легко установлены на национальном уровне; это подобно увеличению разрешающей способности микроскопа и внедрению в исследование того вида возбуждения, которое должен был чувствовать Галилео Галилей, когда он впервые увидел кольца Сатурна»⁸.

Примечания

¹ Geertz C. Local Knowledge : Further Essays in Interpretive Anthropology. N.Y. : Basic Books, 1983. P. 16.

УДК 329.059470+571

ИНВЕРСИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

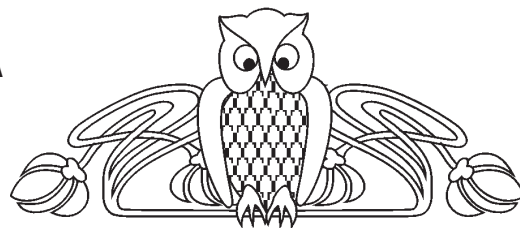
А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена инверсия либеральной трактовки патриотизма в постсоветской России, выявлены основные особенности и алгоритм эволюции места и ранга патриотизма среди других либеральных ценностей, рассмотрен результат его использования в политической деятельности праволиберальных партий. Особое внимание уделено раскрытию позиций либеральных лидеров по вопросу об украинском кризисе и российско-украинских взаимоотношениях.

Ключевые слова: инверсия, политическая инверсия, инверсия либерального патриотизма, праволиберальные партии, украинский кризис, позиция по украинскому кризису.

- ² Smith-Peter S. Bringing the Provinces into Focus : Subnational Spaces in the Recent Historiography of Russia // *Kritika*. 12, 4 (Fall 2011). P. 835, 848.
- ³ См.: Raleigh D. Doing Local History or, from Social History to Oral History : Some Autobiographical Reflection on Studying Russia's Saratov Region // «Region». Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Seoul : Hankuk University of Foreign Studies. 2013. Vol. 2, № 1. P. 33–34.
- ⁴ См.: Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные элиты и региональные идеологии в постсоветской России : модели политического воссоздания «снизу». М. : МОНФ, 2000. С. 3–4.
- ⁵ См.: Суханов В. М. Региональная политическая идентичность в современной России. Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. С. 6 ; Вилков А. А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И. С. Семенов (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) и др. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 157–162.
- ⁶ См.: Krylov M. The Regional Identities in the Central and Some Boundary Territories of European Russia : the main concepts and research results // «Region». Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Seoul : Hankuk University of Foreign Studies. 2013. Vol. 2, № 1. P. 45.
- ⁷ См.: Крылов М. П. Феномен региональной идентичности в Европейской России : концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития / под ред. Ю. Г. Липеца. М. : Ин-т географии РАН, 2002. С. 104–117.
- ⁸ Wade R. A., Seregny S. J. Politics and Society in Provincial Russia : Saratov, 1590– 1917. Columbus : Ohio State University Press, 1989. P. 326.

Inversion of Liberal Patriotism in Contemporary Russia

A. V. Golovchenko

The author considers an inversion of liberal approach to patriotism in post-soviet Russia, reveals main features and scheme of evolution of the place and range of patriotism among other liberal values, and describes results of its implementation within right-liberal parties' activities. Special attention is accorded to liberal leaders' stance on the issue of crisis in Ukraine and Russian-Ukrainian relations.